

Татьяна Круглова

Обобщение¹ после конференции «1917 год: литератор и литературовед: инженер, свидетель, жертва исторического рубежа/социального слома». София, 11-14 мая 2017 года.²

Революция как историческое и метафизическое событие снова поставила вопросы перед интеллектуалами, хотя прошло сто лет, и она уже не проект будущего и не трагическое настоящее, как для большинства персонажей нашей конференции, а прошлое. Это событие, которое уже свершилось, но оно, как выяснилось в течение трех дней докладов и дебатов, незавершенный феномен, постоянно побуждающий ко все новым размышлениям.

Итак, первый вывод, который оформился после окончания слушания докладов:

– Чрезвычайно большое значение для понимания позиций, рефлексий, стратегий поведения литераторов и других русских интеллектуалов в период с 1917 и до конца 1930-х годов, имела та интеллектуальная традиция интерпретации Революции, которая складывалась на протяжении предыдущих 100 лет и имела огромный символический ресурс. «Революция» была точкой, в которой сходились все споры российской интеллигенции, независимо от того, ожидалась ли она как некое позитивное и обнадеживающее событие, или дискурс о ней сопровождался страхом грядущей катастрофы. При всей разнице исходных философских, социальных и духовно-религиозных позиций, Революция мыслилась как событие грандиозного масштаба, почти – космического, которое приведет к необратимым переменам. Иначе говоря, Революция в этом дискурсе – фундаментальная интеллектуальная конструкция, созданная, прежде всего, русскими литераторами (от В. Жуковского до Д. Мережковского).

– Исходя из этого тезиса, следует второй вывод. Те литераторы, которые сформировались в русле Серебряного века, то есть русского модернистского контекста, его лексикона, этического и профессионального пафоса, были основательно

¹ Работа выполнена за счет гранта Российского научного фонда (проект №17-18-01165).

² Конференция прошла на территории Института литературы Болгарской АН; соорганизаторами ИЛ выступили Институт филологии и журналистики Тюменского государственного университета и Департамент гуманитарных наук Университета г. Салерно.

нагружены предыдущей интеллектуальной традицией ожидания Революции, и, казалось бы, подготовлены к ней. Иначе говоря, беспрецедентная новизна Революции была во многом описана и пережита на вполне определенном языке, и главное в нем то, что это был язык предыдущей эпохи. Подчеркну еще раз, Революция была идеей, программой, системой ожиданий, – осмысленной, прежде всего, в метафизическом ракурсе, что в целом характерно для духовного поля конца XIX – начала XX века. Интересно, что исключение, конечно, составляли марксисты (российские социал-демократы всех мастей), которые трактовали будущую революцию в социально-утилитарном дискурсе, *но их связь с литературой и влияние марксизма на литераторов и литературоведов оказалось за рамками авторов докладов нашей конференции.*

Итак, можно зафиксировать закономерность в содержании большинства докладов: несомненно, существовал сильный контраст между ожиданиями и огромным символическим ресурсом Революции как метафизического события, с одной стороны, и реакцией на конкретные социально-исторические события, в водовороте которых оказались все фигуранты докладчиков, с другой стороны. Несмотря на серьезные различия эстетических и этических позиций (В. Маккавейский, А. Белый, А. Блок, З. Гиппиус, Ф. Степун, Е. Замятин, Б. Пастернак, В. Нарбут, Вяч. Иванов, А. Ветлугин, К. Чуковский, О. Ильина-Боратынская, Л. Штильман, А.С. Вознесенский, Л. Шестов, М. Пришвин, В. Розанов, Г. Иванов), большинство тех, кто сформировался в лоне дореволюционной эпохи, реагировали на нее в своем творчестве, пользуясь языком и дискурсом исторического времени «до Революции». Отсутствие адекватного языка, позволяющего выразить контраст между богатством смыслов прошлого дискурса и беднотой (немотой, пустотой, косноязычием) новой ситуации, так или иначе прослеживалось во многих докладах. Этот процесс проявлялся в разных формах: А. Блок и Г. Иванов выбирают не художественную стратегию, а документальную, становясь историографами революции; А.С. Вознесенский, пионер дореволюционной кинодраматургии, оставляет занятие искусством в советское время³; актуализируется традиционный для русской литературы кенозис самосожжения; симптомы «задыхания» как метафоры немоты у О. Мандельштама, А. Блока, А. Белого; отказ от занятий поэзией В. Нарбута; пролонгирование дискурса символизма в

³ Доклад Анны Коваловой.

послереволюционных условиях А. Белым; апокалиптические мотивы русского религиозного сознания у М. Пришвина, В. Розанова, А. Блока.

– Третий вывод касается выбора докладчиками персон для анализа. Как уже хорошо видно из предыдущего изложения, преобладают литераторы, которым пришлось пройти процесс перемены участи: испытать дискурсивный слом, подвергнуть проверке свои профессиональные позиции, пережить полную трансформацию культурного контекста. Многие фигуранты конференции стали эмигрантами, пытаясь сохранить преемственность с дореволюционной эпохой и на этом основать свой профессиональный этос/миссию (З. Гиппиус, Ф. Степун, А. Ветлугин, О. Ильина-Боратынская, Л. Штильман, Г. Иванов). Именно эта значительная группа литераторов дает огромный материал для осмысления темы пограничности, ее культурно-исторического, религиозного и экзистенциального наполнения. Отсюда понятно, почему гораздо меньшую часть составили доклады, посвященные группам художников, для кого Революция стала историческим шансом состояться как профессионалам. В основном это были те, у кого либо не было богатого и сложного габитуса дореволюционной культуры (А. Платонов и А. Богданов), либо те, кто по своему эстетическому кредо склонен был к проективной работе с будущим (В. Мейерхольд и С. Эйзенштейн; рабочие авторы А. Кореванова, А. Авдеенко, А. Бондин; русские реципиенты дадаизма⁴), либо те, кто активно пытался встроиться в новую советскую ситуацию, постепенно отказываясь от катастрофических коннотаций (С. Прокофьев, Е. Замятин, К. Чуковский). С. Эйзенштейн и А. Платонов – авторы, которые не только получили исключительный шанс получить профессиональный статус, которого прежде не имели, но, самое главное, они смогли дать голос, язык новому миру. Их перемена участи оказалась отложенной на десятилетия, и это уже тема другой конференции, посвященной периоду сталинизма.

– Если отбросить в сторону соображения о субъективной пристрастности авторов докладов к своим героям, то картину с избранными персонажами можно трактовать следующим образом. На первый план в общем контенте конференции вышла тема Революции как границы между эпохами, прошедшей внутри жизни каждого литератора. Интересно отметить, что красной нитью через сообщения, не всегда отрефлексированно, но часто внутренне настойчиво, проходила тема театрализации/карнавализации жизни в период революционных событий, с присущими

⁴ В докладе Томаша Гланца.

ей атрибутами маски и роли. Наиболее очевидно это присутствовало в докладах: о киевском театральном буме 1917-1919 годов⁵; о «многодушии» Ф. Степуна; о семиотических перекодировках и «переписывании» своего литературного стиля В. Нарбутом. Эти наблюдения вполне могут быть трактованы в рамках концепций «социальной игры» (П. Бурдьё) или «культурных инсценировок» (Л. Ионин), продуктивно описывающих суть формирования идентичностей в условиях переходного времени. В других сообщениях анализировались жизненные и творческие стратегии, в которых присутствовали признаки конформизма (у С. Прокофьева), цинизма как опоры позиции «над схваткой» (у А. Ветлугина), совмещения нескольких ролей одновременно (у Ф. Степуна), амбивалентности (Б. Пастернак⁶; парадигматическая двойственность/«амфибийность» Е. Замятина), травматической раздвоенности/промежуточности (Л. Шестов). На примере дневников К. Чуковского, Л. Гинзбург и Л. Шапориной было показано, как происходит дискурсивный сдвиг, постепенная смена идентичности и корректировка профессионального этоса в русле практик адаптации.

– Разнообразие, амбивалентность и текучая процессуальность выявленных ролей, практик и стратегий профессиональной ориентации литераторов не позволяет трактовать рецепцию Революции и поведенческую реакцию на нее в бинарной системе координат, как это часто бывало ранее, когда всю творческую интеллигенцию маркировали по принципу «позитивного» или «негативного» приятия Революции. *Расколотость* на внутреннюю и внешнюю эмиграцию, на тех, кто настроен на будущее и на тех, кто оплакивает и пытается сохранить прошедшее, наконец, расколотость внутри самого индивида, – *это норма революционного топоса*. И этот вывод – один из самых важных итогов конференции.

– Наконец, основное «послевкусие» конференции связано с переосмыслением самого понятия Революции, несомненно, парадоксального. Революция – ускользающее понятие, как верно заметили составители сборника статей «Антропология революции» (НЛЮ, Москва, 2009). Парадокс заключается в том, что Революция невозможна без устойчивого проекта, и в то же время она создает ситуацию в высшей степени неопределенную. В нашем случае вся русская интеллигенция говорила, писала и размышляла о Революции много, глубоко и всесторонне, но, как показал совокупный итог анализа участников конференции, у того события, которое было опознано как

⁵ Доклад Светланы Руссовой.

⁶ Доклад Марии Кшондзер.

революция современниками, не было ни программы, ни идеологии. Возникает странное впечатление, что Революция как предмет интеллектуального дискурса и реальное событие – вещи, вовсе не предполагающие прямого соответствия. И дело, конечно, не в наивности, идеализме или иных качествах участников революционных событий.

Философский анализ Революции, предпринятый Аленом Бадью, французским левым интеллектуалом, который опирается на гегелевскую трактовку Великой Французской революции, доказывает, что Революция – событие, всегда опровергающее интеллектуальные программы, предшествующие ей. Революция вовсе не есть попытка осуществления некой позитивной программы, это господство неопределенности, нарушение непрерывности, инверсия повседневности. Февральский и Октябрьский перевороты сразу были квалифицированы как явления чрезвычайного масштаба, катастрофа, обновление, – то есть как Революция, – не столько потому, что они сопровождались массовыми бедствиями, сколько вследствие сложившегося и готового интеллектуального формата, навеянного и постоянным обращением к опыту осмысления Великой Французской революции, и внутренним российским контекстом XIX века. Действительно, в истории человечества и России было много страшных и катастрофических событий: массовые голод и эпидемии, гражданские и религиозные войны, потери независимости, смуты и бунты, но они не получали наименования революцией. Революция как Событие – граница, содержанием которой являются пустота, бездна, и они экзистенциально переживаются как полная потеря почвы под ногами. Революция – это, прежде всего, событие смысла, как написал в своем комментарии к теории А. Бадью М. Ямпольский⁷ («Антропология революции», с. 17-52): «Пустота, неопределенность превращается в их противоположность – насыщенность, кристалл» (там же, с. 27). Добавим с точки зрения участника конференции: происходит эта кристаллизация почти мгновенно и носит тотальный характер, что доказывается личными документами тех, кто вел дневники в это время. И далее, комментируя Анри Лефевра, М. Ямпольский пишет: «поскольку революция – это чистая стихия экспрессивности, она совершенно не поддается картезианскому рациональному репрезентированию» (там же, с. 47).

⁷ Ямпольский, Михаил. Революция как событие смысла // Антропология революции: сборник статей по материалам XVI Банных чтений журнала «Новое литературное обозрение», сост. и ред. Ирина Прохорова, Александр Дмитриев, Илья Кукулин, Мария Майофис. Москва: НЛЮ, 2009, 17-52.

Исходя из этого экскурса в философию, оценим еще раз новаторский, проницательный и перспективный характер основной идеи организаторов конференции – Йордана Люцканова, Александра Медведева, Людмилы Луцевич, Марии Литовской, Нины Барковской. Они в своем видении концепции конференции поставили концепт границы во главу угла, заложив в него множество значений и отдавая себе отчет в проницаемости и подвижности любых границ – географических, поколенческих, социальных, эстетических. Интеллектуальная рефлексия профессионалов слова – литераторов – второй важнейший концепт, так как именно в нем фокусируется вся сложность понимания Революции как события смысла. По окончании прослушивания всех докладов остается впечатление, что нет ничего более трудного для эстетической репрезентации, этического самостояния и профессионального развития как событие Революции. Здесь нет правых и неправых, адекватных или ошибающихся, для науки бесценен любой опыт участников и свидетелей.